

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень въ выпискѣ въ учебныя библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

ІЮНЬ.

№ 16.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

УЖЪ ВЪ РАЗГАРѢ ЛѢТО...

(стих.).

ВМѢСТѢ—ТѢСНО, ПОРОЗНЬ—
СКУЧНО.

ЛАСКИ (стих.).

ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ (повѣсть).
УТРО.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ своемъ кругу.

УЖЪ ВЪ РАЗГАРѢ ЛѢТО...

Ужъ въ разгарѢ лѢто. Травы ужъ созрѣли.
 Время сѣнокоса. ПослѢ Петрова
 Косари запѣли. Косы зазвенѣли.
 Никнетъ подѢ косами свѣжая трава.

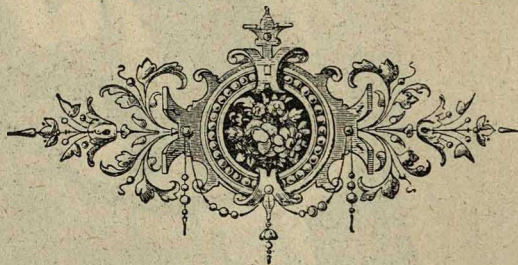
* *
 *

Травку сушить солнце жарко-золотое.
 Ароматомъ нѣжнымъ весь наполненъ лугъ.
 Къ свѣжимъ копнамъ сѣна мы бѣжимъ гурьбою
 И въ волнахъ душистыхъ пропадаемъ вдругъ.

* *
 *

Хорошо намъ—дѣтямъ,—весело, отраднo!
 Бѣгаемъ, хохочемъ все громчѣй, громчѣй..
 Иль, притихнувъ, сядемъ и внимаемъ жадно
 Грустнымъ и протяжнымъ пѣснямъ косарей..

Филаретъ Черновъ.

ВМѢСТѢ — ТѢСНО, ПОРОЗНЬ — СКУЧНО.

(Разсказъ тети).

Нашъ домикъ былъ очень маленькій и находился за городомъ какъ разъ противъ городского сада. Онъ былъ обнесенъ желѣзной рѣшеткой, за которую намъ воспрещено было выходить. Въ саду часто ходили незнакомые люди, и мама боялась насъ выпускать однихъ, такъ какъ няни у насъ не было, а сама она была занята.

Мнѣ и сестрѣ Анѣ было скучно сидѣть постоянно въ палисадникѣ и безумно хотѣлось побѣгать по саду, но это было невозможно. Мама не позволяла.

— Довольно съ васъ и своего садика! всякій разъ говорила она. — Тысячи дѣтей живутъ въ темныхъ углахъ и не видятъ зелени! А у васъ и палисадникъ свой, и сбоку

много деревьевъ. Умѣйте цѣнить то, что далъ вамъ Богъ!

И мы все время почему-то проводили у самой рѣшетки и все глядѣли между ея спиць въ городской садъ и на прудокъ, который находился почти тотчасъ-же у нашей рѣшетки, и по которому плавали утки. Часто, чтобы иенугать утокъ, мы перебрасывали черезъ заборъ палку. Она съ шумомъ падала въ воду и утки въ испугѣ разсыпались въ разныя стороны или-же глубоко ныряли и долгое время оставались подъ водой. Это насъ забавляло.

Каждую недѣлю мама выдавала мнѣ и моей сестрѣ по двѣ копѣйки на сласти. Но такъ какъ насъ никогда не выпускали изъ дому, то мы ограничивались только однимъ своимъ домашнимъ вареньемъ и такимъ образомъ у насъ скопилось уже по десяти копѣекъ. Мы рѣшили на нихъ купить какую-нибудь игрушку.

— Знаешь, что? однажды обратилась ко мнѣ Аня. — Давай попросимъ у мамы позволенія и купимъ что-нибудь сообща.

— Сообща? возразила я. — Ни за что на на свѣтѣ!

И такъ уже всѣ игрушки у насъ были общія и мы часто ссорились, когда не могли подѣлить ихъ поровну. Мы владѣли сообща резиновой кошкой и однажды намъ обѣимъ въ одинъ и тотъ-же моментъ пришла охота поддержать ее

въ рукахъ. Каждая изъ насъ схватилась за нее и потянула въ свою сторону: Аня за голову, а я за хвостъ. Я до сихъ поръ вспоминаю тотъ страшный крикъ, который испустили мы обѣ, увидѣвъ послѣдствія.

— Пусть-же тебѣ достанется хвостъ! воскликнула съ торжествующимъ видомъ Аня, увидавъ, что я держала въ рукѣ только хвостъ, а ей досталась большая часть игрушки съ головой.

Нѣтъ, владѣть чѣмъ-нибудь вмѣстѣ значило-бы вести непрерывную войну!

— Вотъ что! рѣшила я наконецъ. Пойдемъ лучше спросимъ у мамы! Деньги наши, и мы можемъ ихъ истратить, какъ хотимъ!

И мы побѣжали къ мамѣ и рассказали ей, въ чемъ дѣло.

— Вы обѣ еще маленькія, отвѣтила она,—и сестры, и потому все у васъ должно быть общее. Не надо заводить игрушки врозь! Купите что-нибудь сообща и играйте вмѣстѣ!

Мы обѣ надулись и ушли.

По дорожкѣ, отдѣлявшей нашъ палисадникъ отъ городского пруда, раза два въ недѣлю проходилъ мальчикъ, лѣтъ десяти или одиннадцати. Звали его Петрушей. Мы часто заговаривали съ нимъ сквозь рѣшетку палисадника и потому знали, какъ его зовутъ. Мы считали его самымъ счастливымъ мальчикомъ на свѣтѣ: онъ ходилъ

по всему городу одинъ, и продавалъ игрушки. Игрушки у него были дешевенькія, но за то сколько ихъ было!

Замѣтивъ его еще издали, мы дѣлали ему знакъ: онъ подходилъ къ нашему палисаднику, любезно спускалъ на землю свой лотокъ и показывалъ намъ свои товары. Мы разсматривали его игрушки, сердца наши трепетали отъ желанія ихъ имѣть и отъ сожалѣнія, что каждую вещь мы должны были имѣть сообща, и въ концѣ концовъ, дѣлая надъ собою громадныя усилія, мы говорили:—

— Нѣтъ, дорого... Ты очень запрашиваешь... Мы можемъ купить и дешевле!

Тогда видя, что продажа не состоится, онъ живо собиралъ всѣ свои игрушки, складывалъ ихъ къ себѣ на лотокъ и шелъ дальше.

— Игрушки! Игрушки! кричалъ онъ.—Кому нужны игрушки!

По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся со своимъ подвижнымъ базаромъ, я грустно провожала его глазами. Я могла-бы отдать за игрушки всѣ свои деньги и не отговариваться тѣмъ, что онъ „очень запрашивалъ“ и что „дорого“, но ничего нельзя было подѣлать: покупать игрушки врозь намъ было запрещено...

Послѣ нѣсколькихъ дней такихъ мученій мое сердце наконецъ не выдержало, и я рѣшила послушаться запрещенія. Я серьезно загово-

рила объ этомъ съ Аней, отведя ее въ уголъ палисадника.

— Вѣдь деньги-же принадлежать намъ! сказала я.—Если-бы мы купили на нихъ леденцовъ и събли-бы, то каждый съѣлъ-бы свое! Почему-же намъ не купить на нихъ игрушекъ каждой для себя?

— Да, отвѣтила Аня,—деньги принадлежать намъ.

— При этомъ подумай, продолжала я:—если мы купимъ игрушекъ, то деньги будутъ уже издержаны и никто у насъ ихъ обратно не отберетъ...

— Это правда, согласилась и Аня, окончательно побѣжденная послѣднимъ моимъ доводомъ.

И мы стали ожидать, когда около нашего забора появится Петруша снова.

Былъ жаркій лѣтній полдень. На шумныхъ улицахъ города было душно и непривѣтливо, у насъ же въ городскомъ саду было прохладно и въ воздухѣ стоялъ запахъ липъ, которыя зацвѣли. Дѣти съ няньками стали появляться въ саду во множествѣ, чтобы подышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ и побѣгать тамъ, гдѣ росла травка и высокія деревья давали заманчивую тѣнь.

Отправилась къ намъ въ городской садъ и какая-то дама съ маленькимъ сынкомъ, котораго она звала Васей. Придя въ садъ, они расположились какъ разъ на самомъ берегу пруда, противъ наше-

го палисадника и долго любовались на плававших утокъ. Затѣмъ дама стала читать, а мальчикъ бѣгалъ по берегу и радовался деревьямъ, травкѣ и водѣ, т. е. тому, что намъ давнымъ давно уже надоѣло. Ожидая нашего Петрушу, мы скоро замѣтили, что дама занула и книжка вывалилась у нея изъ рукъ.

— Посмотри!.. толкнула меня Аня.— Она спитъ!

— Ну что-жь? Пускай себѣ спитъ! отвѣтила я.— Не всѣ люди умѣютъ спать по ночамъ!

Вася подошелъ совсѣмъ близко къ водѣ и сталъ ковыряться въ пескѣ.

Тѣмъ временемъ вдалекѣ послышался знакомый, желанный голосъ:

— Игрушки! Игрушки! Кому нужны игрушки?

Тотчасъ-же наши четыре руки просунулись сквозь трости рѣшетки и стали дѣлать Петрушѣ всевозможные знаки, чтобы онъ поспѣшилъ. Онъ тотчасъ-же подбѣжалъ къ намъ со своимъ лоткомъ.

— Есть у тебя что-нибудь интересное? спросила я шопотомъ.

Онъ подмигнулъ глазомъ.

— Показывай скорѣе!

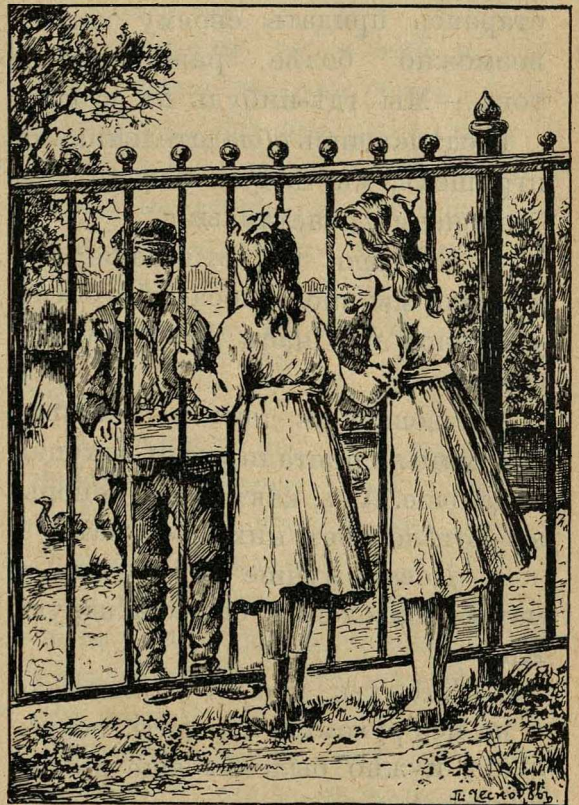
Онъ досталъ коробочку и высыпалъ изъ нея все, что тамъ было: маленькій деревянный домикъ съ красной крышей и черными намалеванными пятнами, которые должны были изображать окна и

двери, три бѣлыхъ барашка, темную собачку, черную лошадку, двѣ пестрыя коровки, свинку, четыре зеленыя дерева въ видѣ сахарныхъ головъ и наконецъ — самого хозяина, приклееннаго къ деревянному кружочку, чтобы онъ лучше стоялъ. Все это было покрыто свѣжимъ лакомъ, вкусно пахло и казалось намъ удивительно милымъ.

— Почему? спросила я, задыхаясь отъ волненія.

— По гривеннику за коробку! Дешевле не могу...

— Давай сюда! Я покупаю!

— Есть у тебя что-нибудь интересное? — спросила я шопотомъ.

— И я тоже! повторила Аня тѣмъ-же таинственнымъ, взволнованнымъ тономъ.

Мы обѣ сунули ему наши деньги, а онъ протянулъ къ намъ двѣ коробки, и сталъ укладывать свои вещи обратно на лотокъ.

— Изъ обоихъ нашихъ хозяйствъ выйдетъ цѣлая деревня, сказала моя сестра.

— Кромѣ того, еще лѣсъ и цѣлое стадо! радостно воскликнула я.

— Какъ-же мы будемъ ихъ разставлять? Вѣдь увидитъ мама!

Я задумалась.

— Ну, это ничего, отвѣтила я, стараясь придать своему голосу возможно болѣе равнодушный тонъ.—Мы гдѣ-нибудь въ уголку!

И сдѣлавшись обладательницами игрушекъ, мы почувствовали себя безконечно счастливыми.

— Неужели все это наше? повторяли мы вполголоса.—Неужели у каждой изъ насъ теперь будетъ свое?

Мы вошли въ домъ и тихонько отъ мамы спрятали наши покупки подальше. Ахъ, какъ намъ теперь же хотѣлось въ нихъ поиграть!

— Давай лучше попросимъ у мамы позволенія! сказала вдругъ Аня.

— Что ты, что ты? замахала я на нее руками.—Просить позволенія нужно было-бы еще до покупки! А теперь уже поздно!

Не знаю, отчего: отъ радости-ли, что я сдѣлала покупку, отъ лѣтней-

ли жары, или-же отъ легкихъ улововъ совѣсти за первое въ жизни непослушаніе, но только, встрѣтившись съ мамой, я покраснѣла. Мама замѣтила это.

— Что съ тобой? спросила она.— Ты красная, какъ вишня!

— Не знаю... отвѣтила я.— Въ комнатахъ такъ душно!

— Тогда поиграй еще немного въ саду!

— И мнѣ тоже въ комнатѣ душно! заявила и Аня, краснѣя въ свою очередь.

И мы обѣ выбѣжали въ садъ.

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать? спросила Аня.—Какъ мы теперь будемъ играть?

— Не знаю, отвѣтила я.

И намъ сдѣлалось вдругъ сразу такъ скучно, такъ скучно, что захотѣлось даже плакать.

По прежнему по пруду плавали утки. Вася сидѣлъ на берегу и ковырялся въ песочкѣ. Его мама спала. Отойдя къ сторонкѣ и поставивъ свой лотокъ на траву, Петруша сидѣлъ подъ деревомъ и, повидимому, отдыхалъ. Далеко въ саду раздавались голоса рѣзвившихся дѣтей.

— А что, Аня, предложила я вдругъ своей сестрѣ, — добросишь ты эту палку до середины пруда?

И я подняла съ земли довольно большую палку.

Аня измѣрила ее глазами.

— Нѣтъ... отвѣтила она.—А ты?

— А вотъ попробую! отвѣтила я и взмахнула палкой въ воздухѣ.

Каждый день, въ опредѣленный часъ, мимо нашего забора проходилъ старичекъ въ очкахъ. Впереди него всегда бѣжала большая, лохматая собака.

Въ самый тотъ моментъ, когда я перебросила черезъ заборъ палку, этотъ старичекъ какъ разъ проходилъ мимо насъ. Палка описала въ воздухѣ дугу и звонко шлепнулась въ воду. Испугавшіяся ея утки съ громкимъ кряканьемъ прыгнули въ разныя стороны. Собака подумала, что это бросили палку нарочно, чтобы она достала ее изъ воды и принесла своему хозяину, и со всего разбѣга бросилась въ прудъ. Въ это время маленькій Вася мирно ковырялся въ песочкѣ и ничего не подозрѣвалъ; онъ подвернулся ей на пути, она столкнула его и онъ всей тяжестью своего тѣла бухнулъ въ воду и сталъ тонуть.

— Спасите! Помогите! раздались крики старичка.

Мать Васи проснулась, увидала на водѣ круги и догадалась, въ чемъ дѣло.

— Помогите, помогите! закричала она и лишилась чувствъ.

Вася пошелъ ко дну, какъ ключъ, и только пускалъ кверху пузыри.

Я и сестра пришли въ ужасъ. Отъ страха и волненія мы не могли двинуться съ мѣста и гово-

рить. Это наказалъ насъ за слушаніе Богъ.

Въ эту минуту отдохавшій въ тѣни у дерева Петруша, кинувъ на произволь судьбы весь свой товаръ, вскочилъ, перекрестился и бросился въ прудъ. Онъ нырнулъ, схватилъ утопленника за воротъ и вытащилъ его на берегъ.

На поднявшіеся крики сбѣжалась толпа, всѣ ахали, охали, окружили обоихъ мальчиковъ, кто-то схватилъ Васю на руки и поднесъ его къ матери.

— Вася!.. Вася! стонала она.— Да очнись-же!.. Да приди-же наконецъ въ себя!

Прибѣжали городской и сторожъ, взяли на руки обоихъ мальчугановъ, съ которыхъ такъ и струилась ручьями вода, и, чтобы далеко не ходить, отворили калитку къ намъ и внесли ихъ въ нашъ домъ.

— Ихъ надо обсушить и обогрѣть! сказалъ городской.— Нечего тутъ! Слава Богу, что близко жильё!

И, увидавъ вышедшую къ нимъ навстрѣчу нашу маму, которую встревожилъ весь этотъ шумъ, онъ продолжалъ:

— Позвольте, сударыня, просушить у васъ двухъ утоплыхъ чловѣкъ! Которое тутъ мѣсто? Куда ихъ нести?

Мама указала ему на нашу дѣтскую и обоихъ мальчиковъ внесли въ нее и уложили на нашихъ кроваткахъ: на моей и Аниной.

Маленькая няня.

Хотягъ играть.

Вошла и мать Васи. Она плакала, ломала себѣ руки, вздыхала. А затѣмъ, когда всѣ чужіе удалились и мальчики прищли въ себя и согрѣлись подъ теплыми одѣялами, то успокоилась и она. Она стала смѣяться, трунила надъ собой и надъ своимъ сыномъ и горячо благодарила Петрушу за то, что онъ спасъ ея Васю. Но бѣднягѣ было не до благодарностей. Весь мокрый, лежа подъ одѣяломъ и ожидая, когда высохнетъ въ кухнѣ у плиты его одежда, онъ то и дѣло вскакивалъ, волновался и спрашивалъ о своемъ товарѣ. Впопыхахъ объ его лоткѣ съ игрушками забыли совсѣмъ. Я видѣла сама, какъ во время суматохи собака выскочила изъ воды и отряхнулась какъ разъ на его коробки. А затѣмъ навалившаяся толпа смяла ихъ ногами, растоптала и когда потомъ всѣ разошлись, то около пруда валялся одинъ только пустой лотокъ и жалкіе остатки барашковъ, домиковъ, коровокъ и лошадокъ были разсыпаны далеко кругомъ по песку.

— Барыня, обратился онъ къ моей мамѣ,—отпустите меня домой! Мнѣ очень надо!.. Меня дожидается мать!

— Подожди немного, отвѣтила ему мама.—Высохнетъ твоя одежда, тогда и пойдешь!

Но онъ не унимался и все продолжалъ ее просить. Подъ конецъ онъ сталъ тихо плакать.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила его Васина мать.

— Петрушей, отвѣтилъ онъ.

— А кто твои мать и отецъ?

— Отца у меня нѣтъ, а мать торгуетъ на базарѣ зеленымъ лукомъ.

— Чѣмъ ты занимаешься?

— Торгую игрушками.

— Гдѣ-же онъ?

— Остались около пруда, на берегу...

Мы съ сестрой переглянулись. Что, если мама спроситъ его, не продалъ-ли онъ намъ игрушекъ? Что мы тогда ей отвѣтимъ? И, чтобы переменить разговоръ, я быстро вмѣшалась.

— Всѣ его игрушки растоптаны ногами!—воскликнула я.—Я видѣла это сама!

Мальчикъ встрепенулся и сталъ плакать. Мама утѣшила его, спросила, гдѣ онъ живетъ, и приказала принести изъ кухни его одежду. Это былъ плохенькій костюмчикъ, вѣроятно, купленный на толкучкѣ, весь въ заплатахъ и пятнахъ. При первомъ-же взглядѣ на эти брючки и пиджачекъ можно было сразу догадаться, что жизнь Петруши была далеко не изъ счастливыхъ.

— Вѣдь одежда твоя еще мокрая!—сказала мама.—Ты въ ней простудишься и захвораешь!

Но Петруша не хотѣлъ ничего слушать, плакалъ, просился домой и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ одѣлся и ушелъ. Я видѣла, какъ

онъ подобралъ свой лотокъ, посмотрѣлъ съ грустью на остатки отъ своихъ товаровъ и печально побрелъ домой.

— Бѣдный мальчикъ! сказала мама и посмотрѣла ему вслѣдъ.— Надо было-бы его накормить! Какъ это я не догадалась?

Незнакомая дама, мать Васи, тоже спохватилась, что забыла поблагодарить его за спасеніе сына.

— Ахъ, батюшки! заговорила она.— Надо-бы его скорѣй вернуть! Вѣдь я хотѣла дать ему немножко денегъ!

Я и сестра выбѣжали за ворота, но Петруши не было уже нигдѣ. Онъ свернулъ куда-то за кусты и какъ мы ни кликали его, такъ и не смогли вернуть его назадъ. Когда-же мы прибѣжали опять въ комнаты, то тотчасъ-же вслѣдъ за ними вошла въ дѣтскую и кухарка.

— Барыня, обратилась она къ мамѣ,—а эти деньги куда дѣвать?

— Какія деньги? спросила мама.

— Да вотъ 20 копѣекъ! Когда повѣсили сушить мальчишкинъ пиджакъ, то онѣ вывалились изъ кармана.

Бѣдный Петруша! Онъ не только лишился всего товара, но и тѣхъ денегъ, которыя выручилъ отъ насъ! Мнѣ стало больно за него.

— Мама, сказала я,—пошли эти деньги ему на домъ!

Чужая дама тоже достала изъ

кошелька золотые пять рублей и протянула ихъ къ мамѣ.

— Передайте ему и отъ меня! сказала она.

Мама взяла отъ нея деньги и положила ихъ на комодъ.

Дама и Вася пробыли у насъ еще съ часъ или болѣе и, когда ушли отъ насъ, то мы были уже какъ давнишніе знакомые. Мы перезнакомились, общались бывать другъ у друга и еще долго послѣ ихъ ухода говорили о нихъ и мечтали о томъ, какъ пойдемъ къ Васѣ въ гости. Мало по малу впечатлѣнія дня стали сглаживаться, а затѣмъ и наша жизнь пошла своимъ чередомъ.

— Ну, идите, дѣти въ садъ! сказала намъ мама.— Нечего сидѣть въ комнатахъ, когда на дворѣ тепло!

До вечера было еще далеко и намъ безумно хотѣлось поиграть въ наши новыя игрушки.

Видѣли-ли вы когда-нибудь на какомъ-нибудь заводѣ машину съ массой зубчатыхъ колесъ? Не подходите къ ней близко. Зубцы колесъ захватятъ васъ за платье, втянутъ въ машину и и вы погибли. Такъ точно случилось и съ нами. Я и сестра Аня зацѣпились за зубцы лжи, насъ втянуло въ неискренность и мы стали избѣгать встрѣчи съ мамой. Въмѣсто садика, гдѣ мы всегда такъ свободно говорили о своихъ дѣлахъ, мы стали теперь уединяться въ

разные закоулки, чтобы насъ не видѣлъ никто.

— Надо всегда держать наши новыя игрушки при себѣ, сказала мнѣ опасно Аня.

— Да, да, отвѣтила я.— Но гдѣ? Въ шкафчикѣ найдутъ, а на столѣ увидятъ! Давай носить ихъ въ карманахъ!

— А ночью будемъ ихъ класть къ себѣ подъ подушки! А то мама будетъ починять утромъ наши платья и увидитъ!

День тянулся долго и мы все время носили при себѣ наши стада, домики, пастуховъ, коровъ и лошадей. Когда мама смотрѣла на насъ, то мы трепетали, боясь, какъ-бы она не замѣтила, какъ оттопыривались наши карманы. Въ минуты безопасности мы соединяли вмѣстѣ наши хозяйства и располагали ихъ гдѣнибудь въ уголку.

— Ты не боишься? спрашивали мы одна другую.

И несмотря на то, что намъ безумно хотѣлось имѣть каждой свое собственное, отдѣльное хозяйство, мы все-таки не умѣли играть врозь и разставляли игрушки со-обща. Смѣшавъ всѣ игрушки вмѣстѣ, мы ставили домики одинъ противъ другого, у насъ широко раскидывался лѣсъ, въ немъ паслись стада, и пастухи съ выпученными глазами наблюдали за безопасностью скотины. И я увѣрена, что если-бы мама увидела насъ за такую совмѣстную игру,

то она только порадовалась бы на насъ и простила-бы намъ нашу ложь. Но мы сдѣлали дурное дѣло, боялись, а страхъ еще больше заставлялъ насъ уединяться и скрывать. Зачѣмъ мы скрывали?

Ночь мы провели тревожно, то и дѣло заглядывали подъ подушки, куда были спрятаны наши хозяйства, и когда наступило наконецъ утро, то мы тотчасъ-же вскочили и немедленно разложили ихъ по карманамъ. И вмѣсто того, чтобы выйти затѣмъ въ садикъ и весело бѣгать по солнцу, мы забрались въ сырой, темный уголъ между сарайчикомъ и сосѣднимъ заборомъ и стали играть. У насъ было не чисто на душѣ, мы сознавали это, и прятались по угламъ.

— Знаешь что? сказала я своей сестрѣ.— Давай играть сегодня врозь! Вчера мы играли вмѣстѣ, а сегодня будемъ каждая отдѣльно! Это будетъ такъ весело!

И мы разошлись въ стороны и каждая изъ насъ стала разставлять свое хозяйство отдѣльно. Но на этотъ разъ намъ почему-то не игралось. Мнѣ было какъ-то скучно одной, сестрѣ—тоже, но мы дѣлали видъ, что врозь лучше, чѣмъ вмѣстѣ, и продолжали сидѣть въ сыромъ углу и разставлять свои хозяйства.

— Не желаешь-ли промѣнять эту мою свинку на твоего барашка? обратилась я наконецъ къ сестрѣ.— У меня ихъ двѣ!

— Ни за что на свѣтъ! отвѣтила Аня.— У меня уже есть своя свинья!

— А у меня нѣтъ лишняго барашка, какъ у тебя! отвѣтила я.— Если-бъ мы играли вмѣстѣ, а не врозь, то все было-бы общимъ, а теперь у тебя хозяйство лучше, чѣмъ у меня!

— Ни за что!

— Ну, промѣняй хоть на самага плохенькаго барашка!

— Нѣтъ-же, говорю тебѣ! Я не возьму твоей свиньи даже за барашка со сломанными ножками.

— Ну, сдѣлай одолженіе!

— Нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ я возьму сама!

При видѣ опасности, угрожавшей барашку, Аня грубо оттолкнула меня и громко закричала:

— Не желаю я твоей свиньи! Уходи отъ меня прочь!

— Въ такомъ случаѣ я возьму ее насильно!

— А я не отдамъ!

— Тогда давай играть вмѣстѣ!.. Пусть у насъ опять будетъ все общее!

И мы подрались. Аня толкнула меня въ плечо, я отвѣтила ей тѣмъ-же и обѣ мы стали громко плакать.

— Ты противная! сказала я.— Я больше никогда съ тобой не буду играть!

— Я тоже! крикнула Аня.— Убирайся отъ меня прочь!

Мы обѣ забрали наши игрушки

и разошлись въ разныя стороны. Я сдѣлала видъ, что мнѣ весело и одной. Аня послѣдовала моему примѣру и мы сидѣли молча по угламъ, надувшись, какъ мыши на крупу, и не разговаривали.

Но мнѣ было ужасно скучно играть одной. Я то и дѣло поглядывала на Аню и замѣтила, что и она тоже исподтишка бросала взоры на меня. Я разставляла свое хозяйство, но оно уже не веселило меня, мнѣ не хватало въ немъ и безногаго барашка, и лѣса, и пестренькой коровки, которая была у сестры. Повидимому, и она тоже скучала одна. Ей тоже не хватало тѣхъ игрушекъ, которыя были у меня. И если-бы мы не разсорились, если-бы мы попрежнему играли вмѣстѣ, то обѣимъ намъ было-бы одинаково весело и мы не дулись-бы такъ одна на другую, какъ дулись сейчасъ.

Я подумала немного и подошла къ сестрѣ.

— Знаешь, что, Аня? сказала я.— Пусь у насъ опять будетъ все общее! Это такъ будетъ интересно! А то у каждой изъ насъ теперь отдѣльное хозяйство, мы играемъ врозь и... и стало такъ скучно!

Глаза Ани засверкали отъ радости.

— Я и сама хотѣла тебѣ это предложить! отвѣтила она.— То-ли дѣло, когда все общее!

Она сгребла всѣ свои игрушки въ горсть и смѣшала ихъ съ моими.

— Вотъ такъ лучше! сказала она.—Свинки общія, барашки — общіе, деревья—общія, а то все врозь, да врозь!..

И мы снова принялись за совмѣстную игру. Это была счастливейшая игра во всей моей жизни... Мы разставляли наши игрушки, уже не завидовали одна другой и намъ и въ голову не приходило снова начинать обмѣнъ. Только одно смущало мою душу, наводило на мою радость тѣнь и не давало мнѣ забытья въ игрѣ. Если мы играли теперь сообща, если оба хозяйства стали теперь для насъ общими, то зачѣмъ мы скрывались отъ мамы и дѣлали изъ нашей покупки тайну? Зачѣмъ мы пря-

тались отъ нея въ темномъ, сыромъ углу? Не побѣжать-ли намъ сейчасъ къ ней и не признаться-ли ей во всемъ?

Я поглядѣла на Аню, она поглядѣла на меня, глаза наши встрѣтились и мы поняли другъ дружку безъ словъ.

— Побѣжимъ скорѣе къ мамѣ! сказали мы обѣ разомъ.

И, забравши всѣ свои игрушки въ фартуки, мы со всѣхъ ногъ помчались къ мамѣ. Она сидѣла у окна и шила. Мы высypали передъ ней всѣ свои хозяйства.

— Мама! Мама! закричали мы.— Посмотри, что мы себѣ купили!

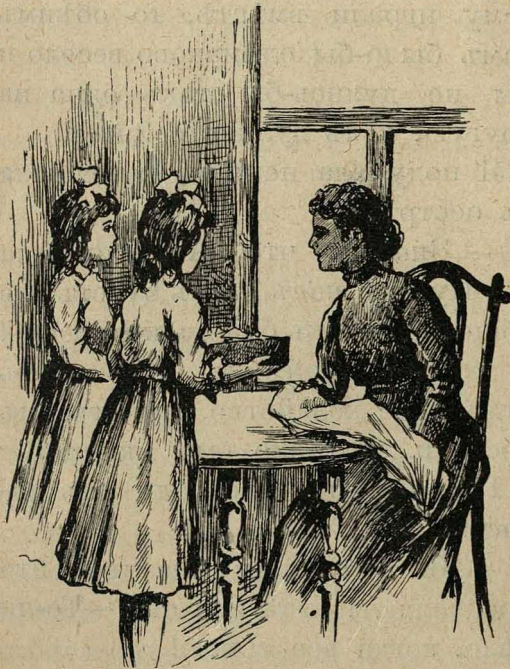
Мама подняла голову отъ своего шитья и взглянула на игрушки.

— Какія хорошенькія! воскликнула она.—Гдѣ это вы купили?

Намъ предстояло открыться мамѣ во всемъ, и мы сдѣлали-бы это, если-бы въ эту самую минуту къ намъ не вошли пришедшіе насъ навѣстить Вася и его мать.

— Здравствуйте! Здравствуйте! заговорили они.—Какъ поживаете?

Увидавъ наши игрушки, Вася бросился къ намъ, и мы тотчасъ же принялись за игру. Теперь мы уже не таились ни отъ кого и, усѣвшись у окна, стали разставлять наши хозяйства и открыто играть сообща. У Васи блестяли отъ удовольствія глаза и онъ весь ушелъ въ наши интересы и съ азартомъ разставлялъ барашковъ, свинокъ и пастуховъ.

— Мама, мама! Посмотри, что мы себѣ купили!

— Знаете, что? вдругъ задалъ онъ намъ вопросъ.—Я буду приходить къ вамъ играть каждый день!

А его мать посмотрѣла на него, покачала задумчиво головой и обратилась къ моей мамѣ со словами.

— Какъ хорошо, что у васъ двое дѣтей! сказала она.—Играютъ въ какія-то дешевенькія игрушки сообща и имъ весело! А у меня — Вася одинъ, я покупаю ему великолѣпныя, дорогія игрушки,—и вѣчно онъ хнычетъ и скучаетъ. Нѣтъ, что ни говорите, а дѣтямъ всегда веселѣе, когда они вмѣстѣ и играютъ сообща!

Я услышала эту ея фразу и густо покраснѣла. То-же самое всегда говорила мнѣ и мама, но я не хотѣла ея слушать и даже рѣшилась-было на обманъ. И чтобы хоть какимъ-нибудь добрымъ поступкомъ загладить свою вину, я подскочила къ мамѣ и обняла ее за шею.

— Мамочка, сказала я.—Давай сходимъ къ Петрушѣ, отнесемъ ему его деньги и позовемъ его къ себѣ!

Повидимому, моя мысль понравилась и мамѣ, и нашей гостьѣ.

— Хорошо, сказали онѣ.—Это надо было-бы сдѣлать еще вчера.

И цѣлой компаніей мы отправились къ Петрушѣ.

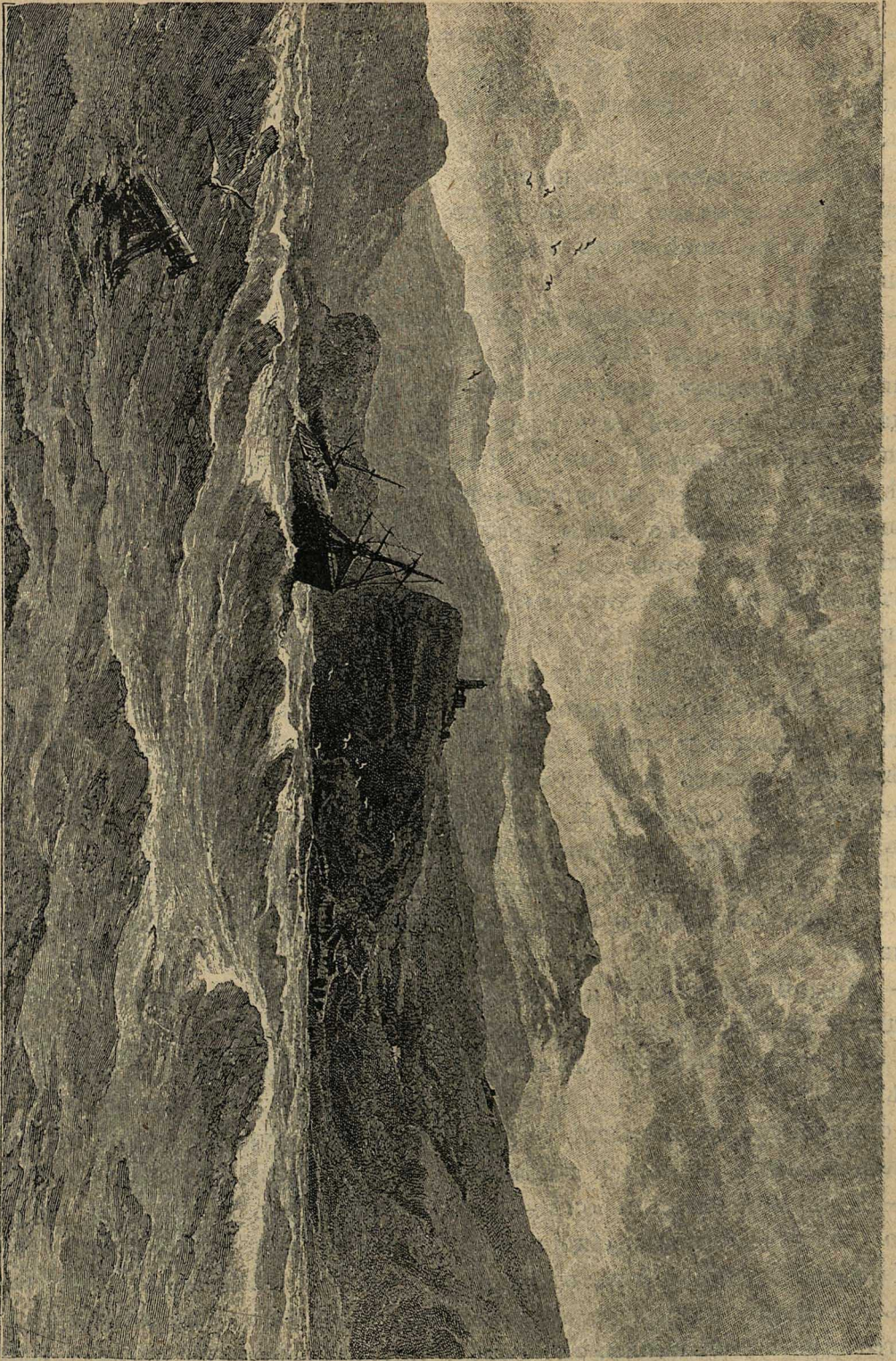
Его адресъ мы знали, онъ сообщилъ его намъ еще вчера, когда

лежалъ у насъ и согрѣвался, и мы скоро уже подходили къ тому жалкому домишкѣ, въ которомъ онъ жилъ. Войдя въ старыя, покосившіяся ворота, мы прошли въ поросшію травую дворъ. На насъ залаяла желтая собака. Изъ маленькаго, вымазаннаго глиною флигелька вышла загорѣвшая, худая женщина и стала кликать къ себѣ собаку. Повидимому, наше появленіе произвело впечатлѣніе и на другихъ жильцовъ, потому что изъ всѣхъ окошекъ и дверей другихъ флигельковъ, находившихся по краямъ двора и занятыхъ нищетою, высунулись удивленные личики дѣтей и смуглыя лица женщинъ-работницъ.

— Поди прочь! крикнула на собаку вышедшая къ намъ худая женщина. Не бойтесь, она не укуситъ! Вамъ кого?

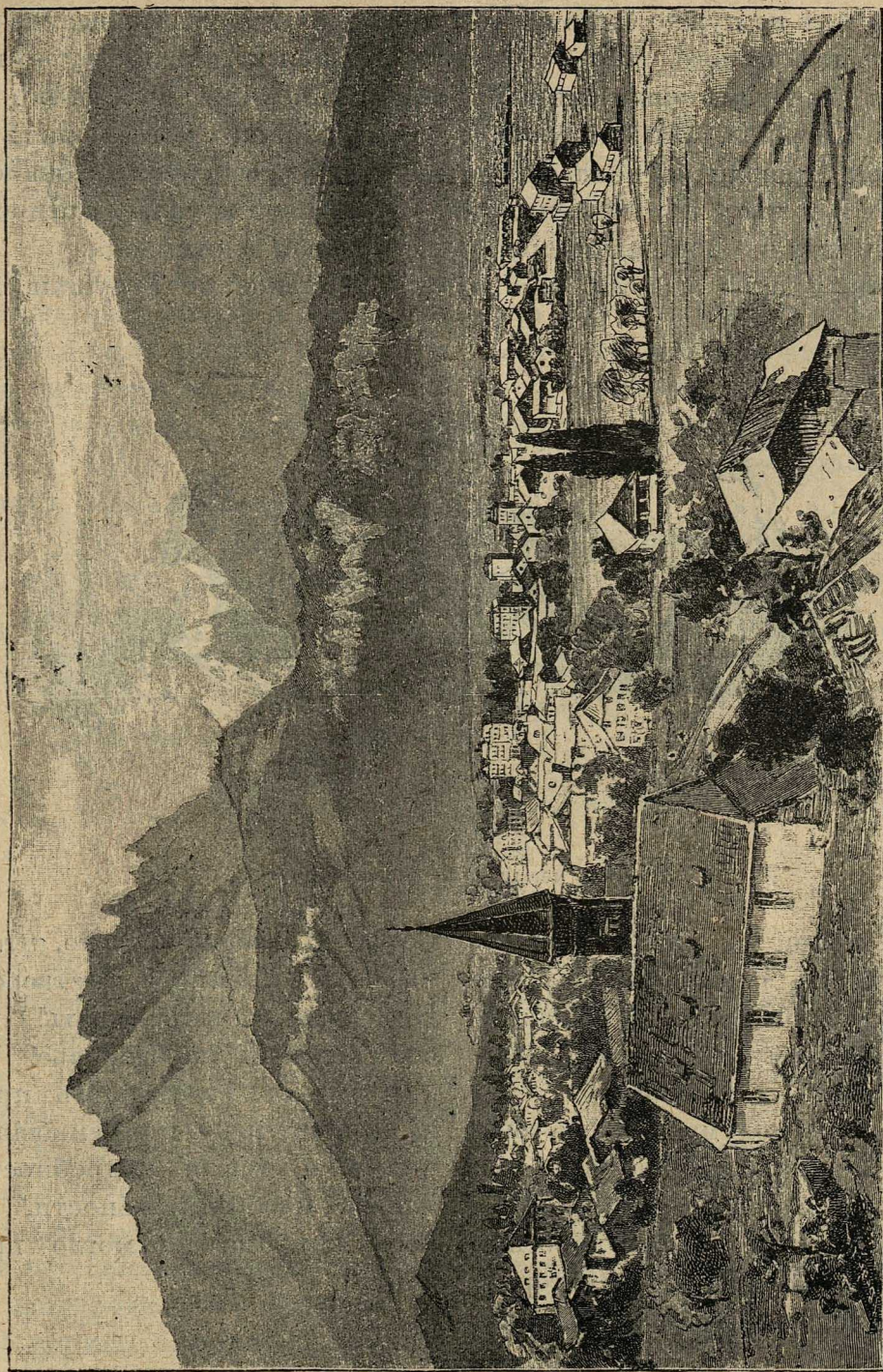
Мы сказали и она, полная удивленія и безпокойства, прямо провела насъ къ себѣ. Это и была Петрушина мать. Вскорѣ и онъ самъ выбѣжалъ къ намъ, узналъ насъ, и пока наши мамы сидѣли во флигелькѣ и о чемъ-то разговаривали съ его матерью, мы взялись за руки и стали весело бѣгать по травѣ. Затѣмъ всѣ мы опять отправились къ намъ и, уже вчетверомъ, долго играли въ „хозяйства“. И мнѣ было такъ весело, какъ не было еще ни разу въ жизни, и было такъ легко у меня на душѣ! Теперь мама уже знала обо

У береговъ Норвеги.

Швейцарская деревушка.

всемъ и мнѣ не нужно было скрывать отъ нея ничего.

Только вечеромъ ушли отъ насъ Вася и Петруша. На слѣдующій день они пришли къ намъ опять и провели у насъ цѣлый день. А затѣмъ между нами началась дружба, которая продолжается еще и

вочки, у которыхъ завелись какія-то грошова „хозяйства“—они играютъ въ нихъ такъ, точно интереснѣе ничего и не можетъ быть на свѣтѣ, кромѣ этихъ „хозяйствъ!“

Мать Васи качала на эти ея слова головой и отвѣчала:

— Главное не игрушки, милая

А затѣмъ между нами началась дружба.

теперь, когда мы уже выросли и вступили въ серьезную дѣловую жизнь. И этой дружбой мы обязаны только тому, что играли вмѣстѣ, не врозь, а сообща.

— Только подумать, часто говорила моя мама, глядя на насъ, когда мы играли всѣ вчетверомъ.— Вася, у котораго много дорогихъ игрушекъ, Петруша, у котораго вовсе нѣтъ ничего, и мои двѣ дѣ-

Софья Николаевна, а то, что они играютъ всѣ вмѣстѣ, вчетверомъ!... Не будемъ-же имъ мѣшать! Пускай себѣ играютъ на здоровье!

И мы съ увлеченіемъ продолжали нашу игру, придумывали все новыя и новыя подробности и нашей изобрѣтательности, казалось, никогда не могло придти конца.

Лео.

Л А С К И.

Когда вы ляжете въ кровати
И передъ образомъ лампадка
Свой тихій свѣтъ на васъ про-
льетъ,
То послѣ долгихъ игръ и бѣга
Охватятъ васъ покой и нѣга
И благодатный сонъ сойdetъ.
Тогда закроете вы глазки
И вотъ тихонько, съ нѣжной лас-
кой,
Къ вамъ мама въ дѣтскую вой-
детъ.
Она поправитъ одѣяло,
Огня прибавитъ, если мало,
Или убавитъ, коль горитъ

Въ углу лампадка слишкомъ ярко;
Окно откроетъ, если жарко,
И трижды васъ благословитъ.
И такъ-же тихо, чуть замѣтно,
Съ послѣдней ласкою привѣтной
Она начнетъ васъ цѣловать...
А вы, во снѣ открывши глазки,
И не замѣтивъ ея ласки,
Начнете сладко засыпать...
Ну кто-жъ другой такъ прила-
скаетъ?
Кто такъ вамъ счастья пожелаетъ,
Кто васъ прижметъ, какъ ваша
мать?
Кузнечикъ.

ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Всѣ въ домикѣ заспѣшили. По-
вѣренный сказалъ, что старый
графъ приказалъ Алешѣ ѣхать къ
нему немедленно, — и начались
укладка чемодановъ и продажа ме-
бели. Няня-Наташа и Ольга Ива-
новна просто выбивались изъ силъ.
Но мебель раскупили на расхватъ,
была продана даже послѣдняя ста-
рая сковородка, въ уютномъ до-
микѣ вдругъ какъ-то сразу опу-
стѣло и только связанные узлы и
уложенные чемоданы говорили
еще, что онъ былъ обитаемъ. Но

вотъ увезли на пристань и ихъ.
Ольга Ивановна прошлась по ком-
натамъ, вздохнула, отерла навер-
нувшіяся слезы и позвала къ себѣ
Алешу.

— Ну, сыночекъ, сказала она. —
Уже пора. Поѣдемъ.

Видя ея заплаканные глаза, маль-
чикъ притянулъ ея голову къ себѣ
и спросилъ:

— Тебѣ, мамочка, не хочется
отсюда уѣзжать?

Она глубоко вздохнула и, какъ
бы про себя, тихонько отвѣтила:

— Какова-то будетъ тамъ наша жизнь?..

Онѣ сѣли въ экипажъ и по узенькимъ улицамъ города поѣхали на пристань. Было утро, свѣтило солнце и море казалось серебристымъ. Отъ кипарисовъ шель смолистый запахъ, доносился изъ садовъ ароматъ сирени и глициній и когда сѣхали наконецъ на набережную, то запахло морской водой. Все предвѣщало тихую, устойчивую погоду.

Но вотъ ужъ и гавань, вотъ ужъ и моль. Около него стоитъ большой пароходъ и дымить. Подъѣзжаютъ экипажи, толпится народъ, раздаются крики грузчиковъ и трескотня лебедки, втаскивающей грузы. Мелькаютъ ярко красные и бѣлые зонтики дамъ. Проходятъ еще нѣсколько минутъ и Ольга Ивановна, Алеша и Наташа уже входятъ на пароходъ. Ихъ встрѣчаетъ довѣренный. Тотчасъ же ихъ охватываютъ со всѣхъ сторонъ пароходная толкотня и суматоха, мимо нихъ носятъ багажъ и сундуки, проходятъ взадъ и впередъ матросы, толпятся кругомъ озабоченные пассажиры. Одни веселы и оживлены, другіе заплаканы и печальны. Не привыкшему къ путешествіямъ Алешѣ все это кажется очень интереснымъ, онъ оглядывается во всѣ стороны и ему уже хочется заговорить то съ тѣмъ, то съ другимъ, но всѣ такъ озабочены, что не обращаютъ на

него вниманія. Какъ вдругъ толпа раздвигается, сквозь нее протискивается какой-то смуглый мальчуганъ и бросается прямо къ Алешѣ. По его потному лицу видно, что онъ долго бѣжалъ. Это чистильщикъ Ванюшка.

— Уфъ! перевелъ онъ духъ. — Здравствуй, Алеша! Я пришелъ тебя проводить! И порывшись въ карманъ, онъ досталъ изъ него дешевенкій красный платочекъ.

— Это тебѣ на память... сказалъ онъ. Помни обо мнѣ. Я купилъ его на послѣдній гривенникъ. Сморкайся въ него!

Алеша развернулъ платокъ и оглядѣлъ его съ обѣихъ сторонъ.

— Спасибо тебѣ... отвѣтилъ онъ.

И, обратившись къ довѣренному, онъ сказалъ:

— Вы не можете дать ему за меня на чай?

Довѣренный тотчасъ-же вынулъ изъ кармана монету и подаль ее Алешѣ. Это были золотые пять рублей. Не глядя на нее, Алеша тотчасъ-же передалъ ее Ванюшкѣ.

— А это тебѣ на память, сказалъ онъ.

Ванюшка поглядѣлъ на монету, потомъ сталъ глядѣть на Алешу и вдругъ поблѣднѣлъ. Онъ не вѣрилъ своему счастью и смотрѣлъ, выпучивъ глаза, передъ собой.

— Это мнѣ? спросилъ онъ наконецъ.— Мнѣ одному всѣ эти деньги?

— Да, тебѣ одному, отвѣтилъ

Алеша. — Теперь ты можешь купить себѣ щетки и ваксу и работать уже не отъ хозяина, а отъ самого себя...

Ванюшка хотѣлъ броситься къ нему на шею, но постѣснился. Въ это время зазвонилъ колоколь, загудѣлъ свистокъ, какой-то матросъ подошелъ къ Ванюшкѣ, схватилъ его за шиворотъ и выпроводилъ его съ парохода.

— Вѣдь я-же сказалъ тебѣ уже разъ, крикнулъ онъ, — что здѣсь первый классъ! Поди отсюда прочь! Пароходъ сейчасъ отходить!

Однимъ прыжкомъ Ванюшка очутился уже на пристани. Пароходъ медленно сталъ отчаливать отъ мола.

— Прощай! закричалъ Ванюшка и замахалъ Алешѣ разорванной фуражкой. — Сморкайся въ мой платокъ!

— Прощай! отвѣтилъ ему съ парохода Алеша и въ свою очередь замахалъ ему краснымъ платкомъ. — Пиши мнѣ, не забывай!

Огромный пароходъ отвалилъ отъ пристани и сталъ выходить въ открытое море. Городъ, шумная набережная, прекрасныя голубыя горы стали постепенно удаляться отъ парохода. Ольга Ивановна спустила на заплаканное лицо вуаль, а Ванюшка все еще продолжалъ стоять на берегу, стараясь не потерять изъ виду ма-

ленькаго графа, и неистово махалъ ему фуражкой.

— Прощай! доносилось съ берега. — Счастливаго пути!

— Прощай, Ванюша! визгливымъ голоскомъ крикнулъ ему въ отвѣтъ Алеша и снова замахалъ ему краснымъ платкомъ.

А затѣмъ понянулись горы, уходившія за облака, и красивыя дачи и селенія у ихъ подножія. Заработалъ быстрое винтъ, стали выпрыгивать изъ воды дельфины, и длинный, нескончаемый слѣдъ остался за пароходомъ. Онъ пошелъ на всѣхъ парахъ.

А въ это время въ усадьбѣ стараго графа готовились къ встрѣчѣ молодого наслѣдника. Была приготовлена для него большая отлично обставленная комната, на полкахъ были разставлены дорогія дѣтскія книги и изъ города были выписаны диковинныя игрушки. Старый графъ считалъ часы, когда пріѣдетъ къ нему его единственный внукъ и только смущало его одно — это необходимость хоть какъ нибудь встрѣтить его мать.

— Я не хочу ея видѣть... говорилъ онъ себѣ. — Но вѣдь и приличія тоже должны быть соблюдены... Ее необходимо встрѣтить на вокзалѣ, а я не знаю, какъ это сдѣлать, и кому это поручить. Нельзя же выслать за ней прислугу! Да наконецъ — она мать графа, моего наслѣдника! Ее необходимо встрѣтить, какъ мою родственницу...

И вдругъ его осѣнила счастливая мысль.

— Вотъ что! обрадовался онъ.— Я пошлю за ней докторшу Елену Петровну! Она устроитъ все!

• Въ усадьбѣ графа была устроена большая больница, предназначенная специально для крестьянъ. Находилась она на самомъ краю, вдалькѣ отъ главнаго дома, за фруктовымъ садомъ и оранжереями. Но такъ какъ самъ графъ часто болѣлъ ногами и любилъ лечиться, то докторъ изъ больницы жилъ недалеко отъ дома, въ небольшомъ флигелькѣ, выходившемъ террасой въ паркъ, и долженъ былъ каждую минуту быть готовымъ лечить графа. У доктора была большая семья и графу это очень не нравилось. Часто веселые крики дѣтей, которыхъ иногда нельзя было унять, доносились до большого дома и беспокоили графа. Но старикъ очень цѣнилъ своего доктора и мирился съ этимъ неудобствомъ. Семья доктора состояла изъ жены и шести чело-вѣкъ дѣтей—всемаль-мала-меньше. Самой старшей изъ нихъ—Катѣ было всего только одиннадцать лѣтъ, а младшему мальчику—всего только пошелъ третій годъ. Между ними было еще четверо: двое мальчиковъ—Костя и Ника и двѣ дѣвочки—Кира и Варя. Ихъ отецъ-докторъ былъ чело-вѣкъ небогатый и нарочно сталъ служить въ деревнѣ, чтобы поменьше было рас-

ходовъ. Ихъ мама Елена Петровна одѣвала и обшивала ихъ сама и всякій разъ приходила въ ужасъ отъ того, что они много ѣли.

— Костя, иной разъ говорила она—вѣдь ты уже два яйца съѣлъ! Довольно съ тебя! Оставь для другихъ.

А въ это время другія дѣти кричали:

— Мамочка, дай намъ молока! Молока хотимъ!

— Мамочка, дай чернаго хлѣба, ѣсть хочется!

И Елена Петровна едва успѣвала ихъ одѣвать.

Старый графъ очень уважалъ ее: онъ узналъ, что она была изъ стариннаго обѣднѣвшаго дворянскаго рода,—и это ему нравилось. Она была единственной женщиной во всей усадьбѣ, съ которой онъ разговаривалъ, какъ съ ровней. Даже со своимъ докторомъ онъ не разговаривалъ такъ, какъ съ ней.

— Онъ изъ поповичей-семинаристовъ... говорилъ онъ.—А она—она природная, столбовая дворянка!

Случилось такъ, что кто-нибудь изъ дѣтей разбивалъ себѣ носъ, или, ударившись лбомъ обо что-нибудь твердое, украшалъ свою физиономію синякомъ. Раздавался плачь и всѣ бѣжали къ своей мамѣ.

— Ничего, ничего! говорила имъ Елена Петровна.—Пройдетъ! Если даже и головы у васъ отвалятся,

то новыя выростуть. Только не орите, пожалуйста, а то графъ услышитъ. Васъ такъ много, что если на cadaго изъ васъ обращать вниманіе, то и самой на всѣхъ не хватитъ!

И все время она была около нихъ, все время для нихъ трудилась, а по вечерамъ читала имъ вслухъ. Старшую-же Катю она сама готовила къ поступленію въ гимназію.

Дѣти обожали ее и имъ казалось, что лучше ихъ мамы не было никого на свѣтѣ.

И теперь, когда посланная отъ графа сообщила Еленѣ Петровнѣ, что къ нему должна была пріѣхать Ольга Ивановна съ Алешей и что оба навсегда должны были поселиться въ усадьбѣ, хотя и въ разныхъ домахъ, то радости дѣтей не было конца. Они усѣлись всѣ на террасѣ своего флигеля и стали мечтать о томъ, какъ всѣ они будутъ играть съ Алешей.

— Знаете, что? обратилась вдругъ Катя съ таинственнымъ видомъ къ братьямъ и сестрамъ. — У этого мальчика Алеши, говорятъ, вовсе нѣтъ папы; онъ умеръ, когда ему было только четыре года, и теперь его мама съ горя все плачетъ, плачетъ и плачетъ... Такъ что бѣдному Алешѣ никогда не бываетъ весело.

Дѣти глубоко вздохнули.

— Поэтому давайте съ нимъ будемъ ласковыми, продолжала Катя,

будемъ ему во всемъ уступать. Вѣдь онъ—одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ; нѣтъ у него ни братьевъ, ни сестеръ и ему, должно быть, всегда такъ грустно.

— Да... подтвердилъ и Коля.— Онъ пріѣдетъ къ графу, а графъ—старикъ, и ему будетъ у него скучно. Давайте просить маму, чтобы она взяла его къ намъ! Ему съ нами будетъ веселѣе!

— У мамы насъ и такъ много! возразила Катя.— Чѣмъ мы будемъ его кормить?

— Какъ чѣмъ? удивилась Кира.— А чернымъ хлѣбомъ и молокомъ? Мы черный хлѣбъ такъ всѣ любимъ!

— Да, да, закричали дѣти хоромъ,— чернымъ хлѣбомъ и молокомъ!

— И будемъ давать ему яйца! Яйца такія вкусныя!

И много кой чего еще хотѣли дѣти предложить своему будущему знакомому. Они старались вообразить себѣ, какой онъ, на кого похожъ, въ какія игры онъ умѣетъ играть, а между тѣмъ надъ усадьбой спускался уже вечеръ. Въ кустахъ сирени, буйно разбросавшей свои вѣтви и бывшей въ полномъ цвѣту, запѣлъ соловей и тотчасъ-же ему отвѣтилъ другой соловей на томъ берегу рѣки; зажужжали комары, залетали жуки, закричали хоромъ лягушки и отовсюду потянулся сладкій аромать. Въ большомъ домѣ у стараго графа

На травкѣ.

зажгли огонь и вдругъ звонко пробили часы девять.

— Дѣти, спать пора! крикнула мать.—Уже девять часовъ!

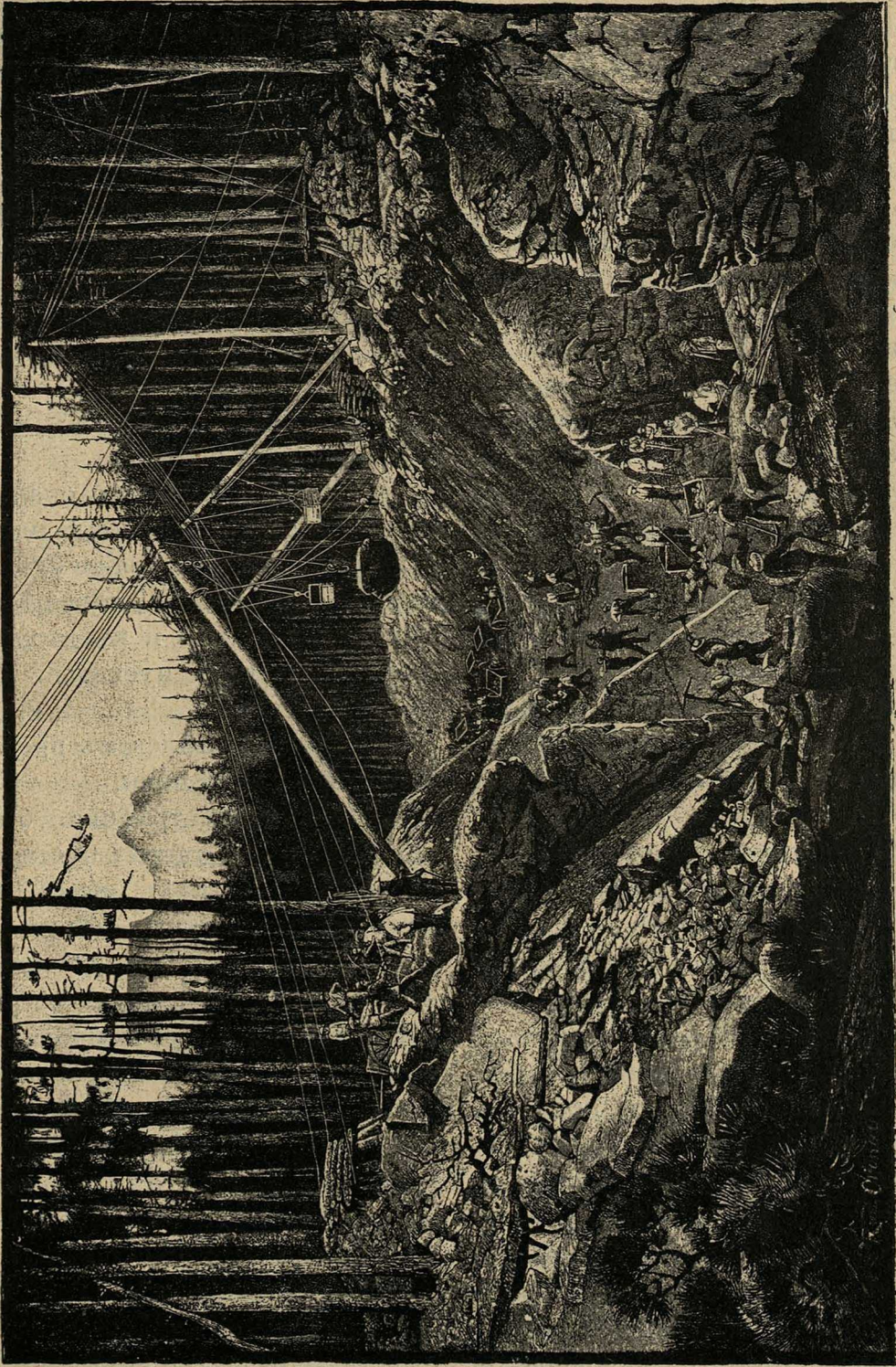
Привыкшіе всегда немедленно исполнять приказанія своей матери, дѣти вскочили со своихъ мѣстъ и побѣжали къ себѣ во флигель. Не побѣжалъ только маленькой Ника: въ пылу разговора онъ нечаянно заснулъ и, свернувшись калачикомъ на ступенькѣ, спалъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ.

Катя вернулась къ нему, взяла его на руки, внесла его въ дѣтскую, тихонько его раздѣла и, пока мама возилась съ другими дѣтьми, уложила его въ постельку.

— Спи, мой мальчикъ! сказала она, подражая голосомъ и манерой матери.— Спи, Господь съ тобою!

А когда они заснули всѣ, за Еленой Петровной прислали изъ большого дома. Она робко вошла къ графу въ кабинетъ.

Постройка железной дороги (рытье выемки).

— Елена Петровна, ласково обратился къ ней графъ.—Будьте такъ добры, съѣздите завтра на станцію встрѣтить съ поѣзда мою невѣстку! Она пріѣдетъ съ молодымъ графомъ. Я знаю, вамъ некогда, у васъ цѣлый миллионъ ребятъ, но вы ужь какъ-нибудь уладьте это дѣло... Не откажите!.. Вся надежда на васъ.

Елена Петровна согласилась и, возвратясь къ себѣ во флигель, зашла въ дѣтскую, чтобы перекрестить дѣтей.

— Ты гдѣ была? вдругъ спросила ее Катя.

— Ты еще не спишь? обратилась къ ней мать.—Ну, спи, спи. Завтра рано вставать.

— А зачѣмъ? спросила ее Катя.

— Мы поѣдемъ съ тобой на станцію встрѣчать Алешу съ мамой.

Катя дрыгнула отъ радости подъ одѣяломъ ногой, закрылась съ головой и скоро заснула.

„Что-то нашего папы долго нѣтъ“... подумала Елена Петровна и пошла къ себѣ въ спальную.

Доктора не было дома уже съ пяти часовъ. За нимъ прислала изъ сосѣдней усадьбы другая невѣстка стараго графа—вдова его недавно умершаго сына, графиня Марія Константиновна, чтобы посоветоваться съ нимъ о здоровьѣ своей дочери, маленькой Софи.

— Ахъ, докторъ, наконецъ-то! воскликнула Марія Константи-

новна, когда докторъ, весь залыленный и уставшій отъ жары, подѣхалъ къ ея крыльцу и вылѣзъ изъ тарантаса.—Я такъ васъ ожидаю!

— А развѣ, графиня, случилось что-нибудь серьезное? спросилъ онъ, подходя къ ея рукѣ.

— Да, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ... Дѣло идетъ о здоровьѣ Софи...

— Что-же она, лежитъ? У нея большой жаръ?

— Нѣтъ, докторъ, но она какъ-то плохо ѣстъ, не любитъ молока и яицъ и стала какая-то блѣдная, вялая, совсѣмъ не такая, какъ была... Я ее даже и къ дѣдушкѣ-графу перестала пускать... Сейчас она гуляетъ...

Докторъ опустилсѣ въ кресло и сталъ протирать очки.

— Стоило-ли, графиня, беспокоиться изъ-за такихъ пустяковъ? добродушно сказалъ онъ.—Впрочемъ, я ее осмотрю... Когда она придетъ, то вы проведите меня къ ней...

Но не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ дверь въ гостиную отворилась и вбѣжала сама Софи. Это была ровесница нашему Алешѣ, его двоюродная сестра, довольно высокая для своихъ лѣтъ дѣвочка и совсѣмъ не худая. Ея прекрасные свѣтлые волосы падали ей на плечи и голубые глаза радостно свѣтились; она бросилась къ своей матери и та

нѣжно прижала ее къ себѣ, поцѣловала и затѣмъ молча подвела ее къ доктору. Онъ съ улыбкой притянулъ дѣвочку къ себѣ и тоже поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Кажется, мы сейчасъ гуляли? спросилъ онъ ее.—Отъ нашихъ щечекъ такъ и вѣетъ свѣжимъ воздухомъ! Гдѣ вы были?

— Бѣгала съ фрейлейнъ по лугу... Уфъ. жарко!..

И, сразу сообразивъ, что докторъ пріѣхалъ только для нея одной, чтобы осмотрѣть ее, она вдругъ вспыхнула и сказала:

— Только, мама, какъ хочешь, а я яиць и молока не стану ѣсть ни за что!

— Хорошо, хорошо! отвѣтила Марія Константиновна.—Успокойся! Тебѣ ихъ и не дадутъ!

Докторъ осмотрѣлъ Софи, выступалъ и выслушалъ ее и затѣмъ весело улыбнулся.

— Ну-съ, Софи, сказалъ онъ,— можете опять бѣгать съ фрейлейнъ по лугу!

Дѣвочка взвизгнула отъ радости и выбѣжала изъ гостиной въ садъ, а докторъ поднялся съ мѣста и два раза прошелся взадъ и впередъ по гостиной.

— Чего вы беспокоитесь, графиня? сказалъ онъ нѣсколько по семинарски — грубовато. — Дѣвочка веселенькая, свѣженькая, радуется, какъ птичка, а вы воображаете, что она больна... У другихъ дѣтей нечего вовсе ѣсть, а васъ печалитъ то, что ей надоѣли яйца и

молоко. Развѣ это хорошо?

Графиня Марія Константиновна опустила голову.

— Ну, что же мнѣ дѣлать, докторъ, если я такъ боюсь за свою Софи? сказала она. Послѣ покойнаго мужа у меня нѣтъ ни одной близкой души на свѣтѣ. Если она вдругъ заболѣетъ или умретъ, то я не переживу. Посмотрите, какъ она стала скучать!

Докторъ опять прошелся по гостиной.

— Дѣти даже и понятія не должны имѣть о томъ, что такое скука, сказалъ онъ.— Они должны ѣсть все, что питательно и здорово, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обращать ихъ вниманіе на то, что они блѣдны или стали скучны. Пусть себѣ Софи бѣгаетъ на свободѣ и не думаетъ ни о чемъ!.. Э, графинюшка, да на вашемъ мѣстѣ я сейчасъ прыгалъ-бы отъ радости, что у меня такая очаровательная, здоровенькая дочурка, а на мѣстѣ вашей Софи только-бы и ѣлъ, что одни яйца, да молоко! Эхъ, вы!.. Не видали вы бѣдности и труда!

Графиня обидѣлась, нахмурилась, а онъ весело, по семинарски, разсмѣялся, простился съ ней и сталъ садиться въ свой тарантасъ.

„Развѣ поѣхать теперь къ бабюшкѣ попить чайку?“ подумалъ онъ — „Что-то пить хочется... Отсюда близко!“

И онъ покати́лъ куда-то влѣво. У батюшки отца-Василія онъ засидѣлся до ночи и вернулся домой только къ одиннадцати часамъ.

На слѣдующее утро Елена Петровна и Катя, вставши чуть свѣтъ, были уже на станціи желѣзной дороги и поджидали Ольгу Ивановну и Алешу.

— Какъ-бы намъ ихъ не прозѣвать, говорила Елена Петровна. — Вѣдь мы ихъ совсѣмъ не знаемъ...

У станціи, на запасномъ пути стояло нѣсколько пассажирскихъ вагоновъ и среди нихъ новенькій, блестящій вагонъ 2-го класса.

— Вотъ-бы хоть когда-нибудь проѣхать въ второмъ классѣ!.. мечтательно воскликнула Катя.

— Ну, да, какже! отвѣтила ей мама.—Прокатишься и въ третьемъ! Какъ всѣхъ васъ шестерыхъ возить въ вагонахъ второго класса, такъ бѣдному вашему папѣ и отдохнуть никогда не придется, все работать будетъ.

Но вотъ подошелъ курьерскій поѣздъ и изъ него вышли довѣренный графа и какая-то дама въ траурѣ съ мальчикомъ лѣтъ восьми. Это Ольга Ивановна и Алеша. Елена Петровна и Катя подбѣгаютъ къ нимъ, знакомятся и выходятъ такъ, точно они всѣ были знакомы уже нѣсколько лѣтъ. Катя тотчасъ-же схватила Алешу за руку и стала его расспрашивать, какія у него игрушки,

гдѣ онъ жилъ и любить-ли гулять по лѣсу и собирать грибы. Для довѣреннаго, Ольги Ивановны и молодого графа былъ поданъ особый роскошный экипажъ, запряженный парой лошадей. Когда гости стали въ него садиться, а Елена Петровна съ Катей полѣзли въ свой маленькій тряскій тарантасъ, то всѣмъ какъ-то вдругъ сдѣлалось неловко. Довѣренный сказалъ:—

— Да садитесь, господа, всѣ вмѣстѣ! Мѣста хватитъ!

Елена Петровна и Катя съ радостью пересѣли въ ландо. Щелкнулъ бичъ, сытыя лошади сорвались съ мѣста и по мягкой дорогѣ покатали къ дѣдушкѣ въ усадьбу. Вдалекѣ, на почтительномъ разстояніи, плѣлся докторскій тарантасъ порожнемъ.

Всю дорогу Катя и Алеша весело болтали, тогда какъ обѣ матери вели между собою разговоры о дѣтяхъ, о трудности ихъ воспитанія и о томъ, какъ много они изнашиваютъ башмаковъ. Когда же подъѣзжали къ усадьбѣ, и Алеша увидѣлъ большія деревья парка и цѣлую длинную аллею изъ кустовъ сирени, бывшей въ полномъ цвѣту, то онъ воскликнулъ:—

— Вотъ гдѣ хорошо будетъ играть въ прятки!

Между тѣмъ экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу. Ольгу Ивановну и Елену Петровну высади-

ли еще раньше у докторскаго флигеля, чтобы ихъ не увидалъ изъ окошка старый графъ. Изъ двери высыпали лакеи и между ними старый камердинеръ графа. Онъ былъ блѣденъ и, повидимому, не спалъ всю ночь.

— У его сіятельства—припадокъ подагры... сказалъ онъ—Они изволили не спать всю ночь... Они приказали сказать, что ждутъ молодого графа въ своей спальнѣ...

Довѣренный ввелъ Алешу въ домъ. Здѣсь было тихо и казалось, что въ немъ не жилъ никто. Старый камердинеръ шелъ впереди и, остановившись около одной двери, тихонько постучалъ въ нее два раза и отворилъ.

— Войдите! послышался голосъ. Довѣренный и Алеша вошли въ комнату со спущенными занавѣсками. Въ ней было темно и стоялъ запахъ лекарствъ. Въ глубинѣ виднѣлась фигура всю ночь не спавшаго доктора. Прямо отъ отца Василя онъ былъ вызванъ къ графу.

— Входите-же! снова послышался голосъ.

— Простите, графъ, отвѣтилъ довшренный.—Дневной свѣтъ такъ ослѣпилъ меня, что я не вижу ничего.

И, взявши за руку Алешу, онъ подошелъ съ нимъ къ высокому креслу, на которомъ въ подушкахъ сидѣлъ старый графъ. Не смотря на раннее утро, онъ былъ одѣтъ

въ крахмальные воротнички и въ черный сюртукъ и только ноги его были окутаны мѣховымъ, собольимъ одѣяломъ. Освоившись съ полумракомъ и весь дрожа, Алеша сдѣлалъ два шага впередъ.

— Подойди сюда, графъ... обратился къ нему старикъ и, приподнявшись съ кресла и притянувъ его къ себѣ поближе костлявыми руками, дрогнувшимъ голосомъ продолжалъ:—Наконецъ-то я вижу тебя, мой мальчикъ... Отдерните, докторъ, занавѣску!

Докторъ отдернулъ занавѣску и въ комнату ворвался радостный, оживляющій лучъ солнца.

— Весь въ своего покойнаго отца! сказалъ графъ.—Весь въ Петра! Тѣ-же брови, тѣ-же глаза!..

Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ и поднесъ его къ глазамъ.

— Наконецъ-то я тебя вижу... всхлипнулъ онъ.—Теперь я могу умереть спокойно!

И, взявъ со стола колокольчикъ, онъ позвонилъ. Вошелъ камердинеръ.

— Отведи графа въ его половину! приказалъ онъ.—Пусть дѣвушка поможетъ ему переодѣться! А ты, Григорій, приготовь для графа завтракъ!

— Слушаю, ваше сіятельство!.. отвѣтилъ Григорій и съ глубокой почтительностью вывелъ Алешу изъ спальни.

Онъ провелъ его въ голубую комнату и передалъ его съ рукъ на

руки дѣвушкѣ. Свѣтило солнце и всю комнату наполняло ласковымъ живительнымъ свѣтомъ. Алешу вдругъ потянуло скорѣе въ садъ, гдѣ было такъ хорошо и гдѣ такъ звонко и привѣтливо кричали птицы.

И вслѣдъ затѣмъ у его окна появились вдругъ дѣти доктора Кострова, всѣ шестеро, и замахали ему руками.

— Мальчикъ, иди съ нами играть! закричали они ему.—Мы ждемъ тебя! Выходи!

Алеша вопросительно посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Можно? спросилъ онъ.

— Какъ будетъ угодно вашему сiятельству... почтительно отвѣтила она.

Онъ заторопился переодѣваться, а въ это время дѣти подошли еще ближе и стали кричать еще громче:—

— Выходи-же, мальчикъ! Иди съ нами играть! Мы ждемъ тебя уже давно!

Онъ забылъ обо всѣмъ, и не ставъ даже завтракать, выбѣжалъ къ дѣтямъ въ паркъ.

Пѣли въ сирени соловьи и въ деревьяхъ шумѣли птицы и жужжали жуки.

Cyclamen.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УТРО.

Бѣлый паръ плыветъ съ рѣки въ ложбины,
Гдѣ еще таится ночи мгла;
Да у ивъ, поникшихъ у плотины,
Ночь широкой тѣнью прилегла.

Вѣтерокъ разсвѣтнѣй пролетаетъ,
Морщитъ водъ тяжелое стекло.
Лѣсъ рѣзьбой узорной выступаетъ
На востокъ, гдѣ, какъ днемъ, свѣтло.

Свѣтъ идетъ широкими шагами
И на западъ гонитъ ночи тѣнь,
И встаетъ надъ лѣсомъ, надъ полями
Новый лѣтній, лучезарный день...

Филаретъ Черновъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

У одного господина спросили:—
Чей это портретъ?

Онъ отвѣтилъ:—Братевъ и се-
стеръ у меня нѣтъ, но отецъ этого
человѣка, который нарисованъ на
портретѣ, есть сынъ моего отца.

Чей это былъ портретъ?

II.

Задуманы слова, означающія:
1., То, чѣмъ пишутъ. 2., Дерево
съ опущенными вѣтвями, 3., То,
что водится въ рѣкѣ, 4., первую
книжку школьника. 5., То, что
бываетъ зимою, 6., То, чѣмъ шьютъ,
7., То, чѣмъ топятъ печи, 8., на-
звание страны свѣта, въ которой
находится то, что составляютъ
первыя буквы всѣхъ этихъ восьми
словъ.

Какія слова задуманы?

III.

Почему одинъ велосипедистъ

можетъ ѣхать быстрѣе, чѣмъ дру-
гой?

IV.

Когда рубашки бываютъ мѣсто-
именіями?

V.

Задуманное слово состоитъ изъ
восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.
8. Буквы 4. 5. 3. 7. 4. означаютъ
то, что есть зъ циркъ, 2. 3. 4. 2.
5. 8—мѣсто, гдѣ показываютъ пред-
ставленія, 2. 4. 2. 4. 5. 6. 7. 8.—
человѣкъ монгольскаго племени,
4. 5. 2. 6. 1. 2. 8—название знаме-
нитаго художника, музыканта и
актера, 1. 3. 5. 7. 4—горное двух-
копытное животное, 1. 2. 5. 4. 7.
4—название части свѣта, 1. 2. 4.
5. 6. 7. 4—то, о чемъ повѣствуетъ
исторія, 4. 1. 2. 5. 4—цвѣтокъ.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ горючее вещество.

*Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 14, помѣщен-
ныхъ въ № 14 „Золотого Дѣтства“.*

Головоломки: I. ... Муха, ... стрѣ + коза (стре-
коза), ... жу + къ (жукъ), ... ба + бочка (бабочка),
... пру + сакъ (прусакъ), ... о + водъ (оводъ). II.
Колесо, перо, мука = Сорока. III. Воск, овесъ,
коверъ, ворона, весна, сорока, вакса, каска,
корова. Задуманное слово—Некрасовъ. IV.
Со + ло + вей = Соловей. V. По дорогѣ. По
воздуху. По спинамъ.

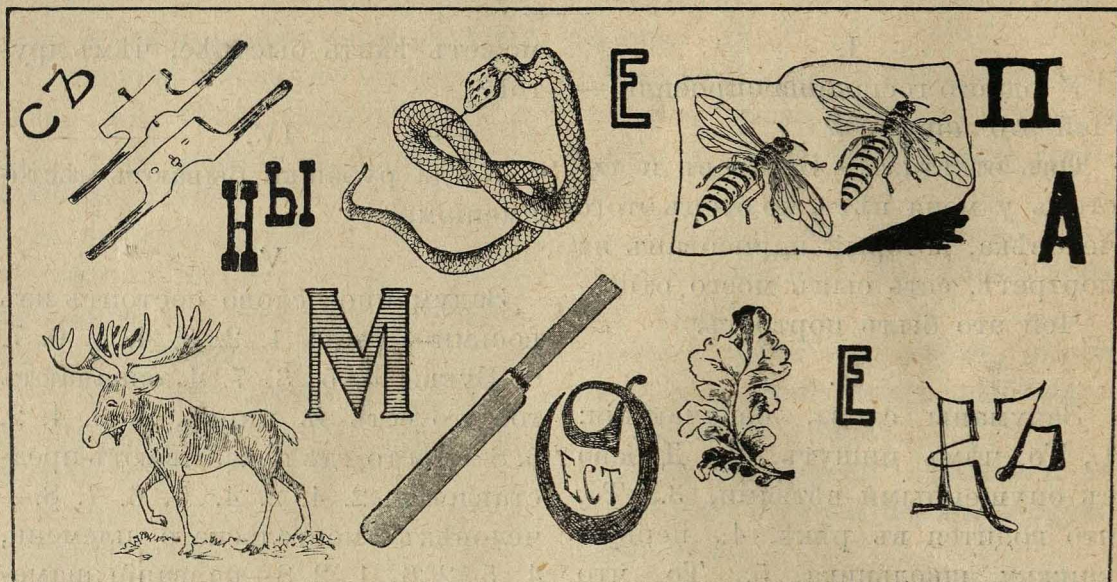
Ребусъ № 14. До + ве + ч + е + трамы +
усть + п + ели + на + бра + ть + 2 + лу + кош-
ка + гриб + овъ = до вечера мы успѣли набрать
два лукошка грибовъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Вѣрочка и Боря
Наумовы, Женя, Соня и Коля Крайко, Анна
Стати, Ляля и Женюра Дюковы, Валя Метонид-

зе, Владиміръ Бенингъ, Милочка и Кеночка
Козловскія, Ниночка и Нелли Рѣзановы, Шура
Александрова, Маруся Аннинская, Саша Дов-
гій, Марія и Германъ Тизенгаузенъ, Зинуся
Кавалевская, Павлуша Ляховъ, Муля Піотров-
скій, Владиміръ Быковъ, Ганя и Володя Крас-
ные, Бобенъ фонъ-Рентель, Хурчикъ и графъ
Умилънъ, Р. Бекнеровъ, Боря Суторихинъ, Лю-
ля, Таня, Сережа и Катя Андреевскіе, Тамара
и Игорь Макаровы, Линуся Гетманская, Надя
Архангельская, Таня Геренрейхъ, Лена Синица-
на, Борисъ Корженевскій, Нина и Тоня Обри-
цкія, Тамара Смоленецъ, Маня и Сема Гузь, Бо-
ря Иванюкъ, Геня Парафіановичъ, Шурикъ
Хлѣбниковъ, Евгенийъ Кравцовъ, Оля Брызгалова,
Валя Мазилка, Станиславъ Маргевичъ, Ма-
руся Муравьева, Галя Попова, Боря Михайловъ,
Надя Остафьева, Дѣти Шальдихскаго пріюта—
Сима, Таня, Оля и Ваня, Семень Мчедлидзе

Ребусъ № 16.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны)

Тоня и Коля Васкаковы, Шура Аксенова, Маркъ, Рая и Жена Лурье, Дмитрій Брейеръ, Жоржикъ Ивановъ съ В. О., Нина Богуславская, Нина и Гриша Маршакъ, Лида и Лена Добровольская, Петръ изъ Одессы, Нина и Лева Истомины, Тая Сукачева, Володя Котлярвъ, Котенокъ-

Мурлыка Пашенко, З. Сапожкова, Люся Скупникъ, Володя и Боря Чикильдины, Коля Шевченко, Толя Копеловичъ, Земфира и Алеко Фурлано, Толя Вейсбергъ, Нюся и Валя Суховы, Викторъ Вейсбергъ, Катя Михайловская, Деликъ-Кроликъ Богущъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.)

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1 Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

рекомендуетъ слѣдующія книги

для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 26.